

Глава XXIX.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНЫЕ ПРЕДЕЛЫ.

Оставление Хара-хото; «Лошадиная загородка». — Путь до Эцзин-гола. — Летняя картина последнего. — Любопытный монгольский обычай. — Снова пустыня; граница хошунов. — Страдания больного Иванова. — Дряхлая старуха. — Оставление Иванова в Цогонда. — Монастырь Байшинтэ-хит. — Переговоры с управлением Балдын-цзасака. — Экскурсия в горы. — Последняя корреспонденция в центр России. — Монгол Ловзэн-даши. — Прибытие Иванова. — Получение писем с родины. — Дальнейший путь. — Вид на Дэлгэр-хангай. — Порядок движения каравана. — Пустыня сменяется степью. — *Antilope gutturosa*, и дрофы. — Северные высоты и вид на Богдо-ула и Толу. — Впечатление последней ночи. — Приход в Ургу.

Поработав в Мертвом городе Хара-хото около четырех недель в самых тяжелых условиях и закончив все намеченные археологические изыскания как внутри крепостной стены, так и вне ее, путешественники стали подготавливаться к выступлению в дальнейший путь. Все чувствовали большое утомление вследствие непрерывного сильного зноя, пыли и грязи, от которой мы не имели возможности избавиться за недостатком воды для питья. Все жаждали увидеть новые картины отрадной жизни природы, насладиться вновь зеленью деревьев, шумом листвы и запахом влажной травянистой растительности...

Шестнадцатого июня наш тяжелый, нагруженный бесценными историческими сокровищами, караван вышел в западные ворота тангутской столицы и, мимо северо-западного угла ее стен, направился к Эцзин-голу.

Рыхлый, сыпучий песок затруднял движение, животные с трудом передвигали ноги, но все-таки настроение было бодрое